

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

**РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»**

Ведьмино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей

Джон Диксон
Карр

**ВЕДЬМИНО
ЛОГОВО**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
HAG'S NOOK

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1933
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Вероники Салье
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-28913-0

© В. М. Салье (наследник), перевод, 1992
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кабинет старого лексикографа тянулся во всю длину его небольшого дома. Это была огромная комната с поперечными балками на потолке, расположенная на несколько футов ниже уровня двери. Окна в задней ее части затенял высокий тис, сквозь ветви которого пробивались лучи вечернего солнца.

Есть что-то призрачное в дремотной прелести английского пейзажа. Это и сочная темная трава, и вечнозеленые кусты и деревья, и серенький шпиль церкви, и прихотливо выющаяся белая лента дороги. Для американца, который помнит свои шумные бетонные автострады, утыканные красными бензоколонками и окутанные вонью выхлопных газов, он особенно приятен. Здесь человек может свободно передвигаться и не чувствовать себя чужеродным телом, даже если он идет посередине дороги. Тэд Рэмпол смотрел на солнце сквозь частую решетку оконных переплетов, на темно-красные ягоды, сверкающие среди зелени тиса, и его охватило чувство, которое путешественник испытывает только на Британских островах. Это ощущение, что земля наша стара как мир и на-

ходится во власти колдовских чар; ощущение того, что картины и образы, возникающие из одного только слова «веселая», — это не фантазия, а реальность. Дело в том, что Франция, например, меняется так же часто, как меняется мода, и кажется не старше, чем шляпка прошлого сезона. В Германии даже легенды похожи на новенький часовой механизм, вроде тех заводных кукол, которые можно увидеть в Нюрнберге. А вот английская земля кажется (как это ни невероятно) даже старше, чем ее башни, обросшие бородой из плюща. Звон вечерних колоколов доносится до нас словно из глубины столетий; всюду царит тишина, в которой неслышно движутся призраки, а в глубине лесов все еще скрывается Робин Гуд.

Тэд Рэмпол взглянул на хозяина дома. Доктор Гидеон Фелл, тучное тело которого едва уместилось в глубоком кожаном кресле, набивал свою трубку и, казалось, добродушно размышлял над тем, что эта трубка ему только что сообщила. Доктор Фелл был не так уж стар, однако он, совершенно очевидно, составлял неотъемлемую часть своей комнаты — комнаты, которая, по мнению гостя, могла бы послужить иллюстрацией к какому-нибудь роману Диккенса. Здесь было просторно и тихо; между дубовыми балками потолка виднелась закоптелая штукатурка. Вдоль стен тянулись огромные дубовые книжные полки, похожие на саркофаги, а над полками — окна с частым косым переплетом, так что каждое стеклышко имело форму маленького ромба; что же касается книг, то сразу было видно, что это ваши друзья.

В комнате царил запах пыльной кожи и старой пожелтевшей бумаги, словно все эти величественные старинные тома расположились здесь всерьез и надолго, повесив на вешалку свои шляпы.

Доктор Фелл слегка задышался, утомленный даже таким ничтожным усилием, как набивание трубки. Он был тучен и ходил опираясь, как правило, на две трости. В лучах света, падавшего из передних окон, его длинные густые темные волосы, в которых, словно пышные белые плюмажи, сверкали седые пряди, развевались, как боевое знамя. Эта грозная копна как бы двигалась впереди него, прокладывая ему путь. Лицо у него было большое и круглое, покрытое здоровым румянцем, и на нем то и дело возникала мимолетная улыбка, появляясь откуда-то снизу, из-под многочисленных подбородков. Но что сразу обращало на себя внимание, так это чертики у него в глазах. Он носил пенсне на широкой черной ленте, и его маленькие глазки сверкали над стеклами, когда он наклонял вперед свою крупную голову; он мог быть свирепо-воинственным и хитро-насмешливым и каким-то образом умудрялся сочетать в себе то и другое одновременно.

— Вы должны нанести визит Феллу, — сказал Рэмполу профессор Мелсон. — Во-первых, потому, что он мой старинный друг, а во-вторых, потому, что он — одна из важнейших достопримечательностей Англии. Этот человек буквально начинен самой разнообразной информацией, не всегда понятной, порой бесполезной, но неизменно восхитительно-интересной. Он будет вас кормить и на-

качивать разными напитками до полного обалдения; говорить будет, не останавливаясь ни на минуту, на самые разнообразные темы, но в основном о былой славе старой Англии, ее забавах и развлечениях. Он любит джаз, комедии с оплеухами и мелодраму. Отличный старик, он вам обязательно понравится.

Все это было абсолютно верно. Его гостеприимный хозяин был исполнен радушия, в нем была какая-то наивность, ни намек на аффектацию, так что буквально через пять минут после встречи Рэмпол почувствовал себя как дома. Собственно, даже еще раньше. Профессор Мелсон писал Феллу о Рэмполе еще до того, как тот отправился в Англию, и получил в ответ письмо, которое почти невозможно было прочесть, но которое было зато украшено забавными рисунками и завершалось стихами по поводу сухого закона. А потом они случайно встретились в поезде, еще до того, как Рэмпол добрался до Чаттерхэма. Чаттерхэм, графство Линкольншир, находится примерно милях в двадцати от Лондона и совсем недалеко от самого Линкольна. Когда Рэмпол садился вечером в поезд, у него было скверное, подавленное настроение. В этом огромном сером Лондоне, с его дымом и грохотом уличного движения, он чувствовал себя одиноким и потерянным. Одиночеством был наполнен и грязный, покрытый копотью вокзал, где все скрежетало и ухало, где рябило в глазах от спешащих во всех направлениях обладателей сезонных билетов.

В залах ожидания было грязно и уныло, а у пассажиров, которые заходили в пропахший сыростью бар, чтобы пропустить рюмочку перед тем, как сесть в поезд и ехать домой, вид был еще более унылый. В тусклом свете вокзальных фонарей, таких же скучных, как и они сами, эти люди, казалось, были одеты в какое-то неопрятное латаное старье.

Тэд Рэмпол только что окончил университет и поэтому смертельно боялся казаться провинциальным. Он, правда, уже немало путешествовал по Европе, однако до сих пор это происходило под руководством родителей и по тщательно разработанному плану, с тем расчетом, чтобы получить за свои деньги все, что полагается. Ему всегда указывали, где и что нужно осматривать. Эти путешествия напоминали живой кинетоскоп¹, состоящий из почтовых открыток, снабженных лекциями. Оказавшись без руководства, он чувствовал себя растерянным, подавленным и даже испытывал некоторое негодование. К своему ужасу, он поймал себя на том, что сравнивает этот вокзал, отнюдь не в его пользу, с Главным Центральным² — большой грех с точки зрения лучших американских писателей.

Ах, да пошло оно все к черту!

Он усмехнулся, купил в киоске завлекательный роман и побрел к своему поезду. Он всегда испы-

¹ *Кинетоскоп* — аппарат для просмотра быстро движущихся рисунков, предшественник кинематографии. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Имеется в виду вокзал в Нью-Йорке.

тывал затруднение, когда надо было считать эти проклятые английские деньги; там было ужасающее количество разнообразных монет совершенно непонятного достоинства. Составить нужную сумму было все равно что сложить картинку-головоломку — на это уходила уйма времени. И поскольку ему казалось, что промедление в этом случае выставляет его в невыгодном свете, будто он какой-то деревенский дурачок, он обычно давал продавцу банкнот, даже если покупал какой-нибудь пустяк, предоставляя все расчеты другой стороне. В результате в его карманах скапливалось столько мелочи, что каждый его шаг сопровождался звоном.

Так оно и было, когда он столкнулся с девушкой в сером пальто. Он именно столкнулся с ней в буквальном смысле этого слова. Все произошло из-за того, что ему было страшно неудобно, он весь звенел, словно ходячий кассовый аппарат. Он попробовал засунуть руки в карманы, чтобы держать монеты изнутри, что несколько затрудняло его движения, и вообще он был так этим занят, что не замечал, куда идет, и вдруг на что-то налетел. Раздался глухой удар, и он услышал, как у него под мышкой что-то ойкнуло.

Из карманов посыпалось. Он смутно различил звон катящихся по деревянной платформе монет. Весь покрывшись потом от смущения, он обнаружил, что держит кого-то за плечи, а перед глазами у него — лицо. Если бы он был способен в тот момент произносить те или иные звуки, он бы воскликнул: «Ничего себе!» Потом он пришел в себя

настолько, чтобы рассмотреть это лицо. На них падал свет из вагона первого класса, возле которого они стояли, и он увидел: маленькое личико, насмешливо приподнятые брови. Она как бы смотрела на него издалека, глаза смеялись, однако в улыбке можно было прочесть сочувствие. Шляпка на ее блестящих черных волосах была надета кое-как, придавая ей бесшабашно-веселый вид, а синие глаза были настолько темного оттенка, что тоже казались почти черными. Воротник ворсистого серого пальто был поднят, что не мешало видеть улыбающиеся губы.

Она молчала, не зная, что сказать, а когда заговорила, в ее голосе слышался смех.

— А вы богатый человек, как видно. Не могли бы вы отпустить мои плечи?

Вдруг осознав, что под ногами у него валяются деньги, он поспешно отступил назад.

— Господи боже мой! Простите великодушно! Я настоящий баран. Я... Вы ничего не уронили?

— Сумочку, кажется, и книжку.

Он нагнулся, чтобы все это подобрать. Даже потом, когда поезд летел через напоенную ароматами тьму достаточно прохладной ночи, он не мог вспомнить, как начался разговор. Темные своды вокзала, дым и копоть, дребезжание багажных тележек были, казалось, не самыми подходящими условиями для начала, и тем не менее все оказалось в порядке. Ничего особенно умного сказано не было. Скорее наоборот. Они просто стояли и произносили какие-то слова, но в душе у Рэм-

пола все запело. Он сделал интересное открытие: книжка, которую он только что купил, и та, что он выбил у нее из рук, написаны одним и тем же автором. Поскольку этим автором был мистер Эдгар Уоллес, такое совпадение вряд ли особенно поразило бы незаинтересованного человека, однако Рэмполу оно показалось весьма знаменательным. Он поймал себя на том, что отчаянно старается развить эту тему, опасаясь, что девушка в любую минуту может уйти. Он слышал, какими надменными и неприступными считаются англичанки, и думал, что она разговаривает с ним просто из вежливости. Но было что-то такое — возможно, в темно-синих глазах, которые, прищурясь, смотрели на него, — что говорило о другом. Она стояла, прислонившись к стенке вагона, небрежно, по-мужски глубоко засунув руки в карманы ворсистого серого пальто, — самоуверенная маленькая фигурка с насмешливой улыбкой. И в какой-то момент ему показалось, что она так же одинока, как и он сам...

Он сказал, что направляется в Чаттерхэм, и спросил, где ее вещи. Она выпрямилась. И тут набежала какая-то тень. Легкий горловой голос — у нее была манера говорить отрывисто, проглатывая слова, — сделался вдруг нерешительным.

— Наши вещи у брата, — совсем тихо проговорила она и, помолчав, добавила: — Он наверняка опоздает на этот поезд. Вот уже свисток. Вам надо садиться.

Свисток орал как сумасшедший, заполнив резким звуком весь вокзал. Рэмполу казалось, что он

вырывает что-то у него из рук. Игрушечный паровоз начал пыхтеть и заикаться; вокзальный свод вздрогнул; замигали огни.

— Послушайте, — громко проговорил он, — если вы едете следующим поездом...

— Садитесь же скорее!

Тут Рэмпол обезумел, сошел с ума, вроде этого свистка.

— К черту этот поезд! — заорал он. — Я могу ехать и на следующем. Мне, собственно, вообще никуда не надо ехать. Я...

Ей пришлось повысить голос. Ему показалось, что он разглядел ее улыбку, веселую и задорную.

— Глупый вы человек! Я ведь тоже еду в Чаттерхэм. Мы, наверное, там увидимся. Садитесь скорее!

— Вы уверены?

— Конечно.

— Ну, тогда ладно. Дело в том...

Она показала ему на поезд, и он вскочил в вагон как раз в тот момент, когда поезд тронулся. Он высунулся из окна в коридоре, стараясь еще раз ее увидеть, и слышал ее хрипловатый голос. Этот голос весьма отчетливо прокричал ему вслед весьма странную вещь:

— Если увидите призраков, поберегите их для меня!

Что за черт! Рэмпол глядел на темные силуэты пустых вагонов, на тусклые вокзальные фонари, которые, казалось, вздрагивали в такт движению поезда, и пытался осмыслить эту последнюю фразу. Слова, ее составлявшие, не вызывали особой

тревоги, однако в них было что-то непонятное, многозначительное, что ли? Иначе и не выразишь. А может быть, все это просто шутка? Или слово «призрак» употребляется в Англии в переносном смысле? Входит в какое-нибудь цветистое выражение для обозначения, скажем, насмешки, пренебрежения или чего-нибудь в этом же роде? На мгновение ему стало жарко, шея под воротничком слегка вспотела. Нет, черт возьми! Это было бы сразу видно. Проводник, который проходил мимо в этот момент по коридору, увидел молодого человека, по всей видимости американца, который высунул голову навстречу паровозной саже и жадно вдыхал эту сажу радостными глотками, как если бы то был свежий горный воздух.

Угнетенное состояние прошло. В этом маленьком тряском поезде, в котором почти не было пассажиров, он чувствовал себя так, словно несся по водной глади на быстрой лодке. Лондон уже не казался ему таким огромным и могущественным, а поля и холмы не вызывали мысли об одиночестве. В этой чужой стране он отведал живительной влаги и вдруг почувствовал, что здесь у него есть близкий человек.

Багаж? Он похолодел, но тут же вспомнил, что носильщик занес его в купе какого-то вагона. С этим, значит, все в порядке. Он чувствовал, как пол дрожит у него под ногами; поезд, набирая скорость, с грохотом мчался вперед, трясясь и качаясь на поворотах, оставляя далеко позади протяжный рев свистка. Именно так начинаются приключения. «Если увидите призраков, поберегите

их для меня!» Хрипловатый горловой голос — почему-то кажется, что его обладательница встала на цыпочки, — замирая, остается на платформе.

Если бы она была американкой, он мог бы спросить, как ее зовут. Если бы она была американкой... однако — он вдруг ощутил это совершенно отчетливо — он совсем не хочет, чтобы она была американкой. Широко поставленные синие глаза, лицо, чуть слишком широкое, чтобы быть совершенным, алые губы, которые морщила улыбка; во всем этом была какая-то экзотика, и в то же время ее внешность была такой же англосаксонской, как несокрушимые кирпичные стены Уайтхолла. Ему нравилась ее манера произносить слова как бы с оттенком насмешки. Она казалась прохладной и чистой — так выглядят люди, привыкшие бродить по сельским просторам. Отвернувшись от окна, Рэмпол почувствовал сильное желание подтянуться на руках, уцепившись за верхушку двери в купе. Он бы так и сделал, если бы ему не помешало присутствие весьма мрачного и чопорного джентльмена с огромной трубкой и в дорожной шапочке, надвинутой на ухо на манер берета; он сидел у одного из соседних окон, уставив бессмысленный взор в пространство. Этот человек до такой степени походил на карикатурный тип англичанина из комиксов, что Рэмпол вполне готов был увидеть, как он, спотыкаясь и оглядываясь, бежит по коридору, приговаривая: «Что такое? Что такое? Что такое?», вздумай он, Рэмпол, сделать что-либо подобное.

Пройдет совсем немного времени, и он вспомнит этого человека, пока же было ясно только одно: он голоден и не прочь выпить. Он вспомнил, что где-то в поезде, впереди, есть вагон-ресторан. Выяснив, что его багаж находится в курительном отделении, он стал пробираться по узкому проходу в поисках пищи. Поезд шел сейчас по пригородным районам, в ущелье, образованном двумя световыми стенами, вагон скрипел и качался, над головой то и дело раздавался пронзительный паровозный гудок. К удивлению Рэмпола, в вагоне-ресторане оказалось довольно много людей; там было тесно, стоял тяжелый запах пива и растительного масла. Садясь за столик, за которым напротив него уже сидел какой-то человек, он подумал, что крошек и пятен на скатерти несколько больше, чем требуется, и снова упрекнул себя за свой проклятый провинциализм. Столик качался в такт движению вагона, в свете электрических ламп поблескивали никель и полированное дерево, и он с интересом наблюдал, как его визави пристраивает к своим усам стакан с пивом. Вытянув с удовольствием пенистую жидкость, человек поставил стакан на место и заговорил.

— Добрый вечер, — любезно начал он. — Вы молодой Рэмпол, не так ли?

Если бы он добавил: «Вы, кажется, прибыли из Афганистана», это не могло бы удивить Рэмпола сильнее.

Незнакомец захохотал, отчего его многочисленные подбородки пришли в движение. «Хе-хе-хе», — смеялся он, ну точно опереточный негодяй

в спектакле. Маленькие глазки улыбались американцу поверх пенсне, которое он носил на широкой черной ленте. Пышная его шевелюра содрогалась от хохота, а может быть, от тряски, а может, от того и другого вместе. Он протянул руку:

— Видите ли, я — Гидеон Фелл. Боб Мелсон писал мне о вас. Я понял, что это вы, в тот самый момент, как вы вошли в вагон. По этому поводу мы должны выпить бутылочку вина. Собственно, две бутылочки: одну за вас и другую за меня. Хе-хе-хе! Официант!

Он повернулся в своем кресле, словно феодальный барон, повелительно вытянув руку.

— Моя жена, — продолжал доктор Фелл, продиктовав официанту заказ, которому позавидовал бы Гаргантюа, — моя жена никогда не простила бы мне, если бы я не перехватил вас в поезде. Она и так вся в запарке: и лучшая спальня не в порядке, там штукатурка сыплется с потолка, и поливалка для газона испортилась, не желала работать, пока не пришел наш пастор, а когда он за нее взялся, его с ног до головы окатило водой. Хе-хе-хе. Выпейте. Не знаю, что это за вино. Никогда не спрашиваю. Вино и вино, с меня этого достаточно.

— Ваше здоровье, сэр.

— Благодарю вас, мой мальчик. Позвольте мне... — начал он, но потом, вероятно, вспомнил о своем недавнем визите в Америку. — Впрочем, не будем тянуть резину. Хе-хе. Итак, вы любимый выученик Боба Мелсона? Он, кажется, говорил, что вы занимаетесь историей Англии? Соби-

раетесь стать доктором философии, а затем заняться преподаванием?

Рэмпол вдруг почувствовал себя отчаянно молодым и глупым, несмотря на благожелательность, которую можно было прочесть на лице доктора. Он пробормотал что-то невразумительное.

— Отлично, — сказал доктор. — Боб хвалил вас, однако отметил: «Слишком уж у него богатое воображение», — так и сказал. Хм! А вот я думаю иначе. Они должны почувствовать величие и славу, говорю я, величие и славу! Вот когда я читал лекции в вашем Хейверфорде, они, может, не так уж много усвоили из английской истории, зато кричали «ура», мой мальчик, да, кричали «ура», когда я рассказывал им о великих битвах. Я помню, — продолжал он, а лицо его сияло, как будто в лучах заходящего солнца, — помню, как я учил их петь застольную песню солдат Готфрида Бульонского, пели ее во время Первого крестового похода, в 1187 году¹. Сам я был запевалой, а они все подхватывали и, как положено, притопывали в такт ногами; и вдруг появляется один ненормальный, профессор математики; он держится за голову и заявляет (удивительно выдержанный господин, так сказать): не будем ли мы так добры и не перестанем ли топать, а то у них там, внизу, доска свалилась со стены. «Это неприлично, — говорит он, — пуфф, пуфф, кхм, весьма неприлично». — «Ничего неприличного, — говорю я, —

¹ Ошибка автора: Первый крестовый поход под предводительством Готфрида Бульонского проходил в 1095–1098 гг.

Карр Дж.

К 26 Ведьмино Логово : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. В. Салье. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 320 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-28913-0

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра — Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса». В первом романе из серии о расследованиях Гидеона Фелла эксцентричному детективу предстоит распутать загадку проклятия, преследующего мужчин рода Старберт...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКсон КАРР
ВЕДЬМИНО ЛОГОВО

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.03.2025.

Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-MCD-38025-01-R